

ИСТОРИЯ ЕЛЕНЫ ЛЕБЕДЕВОЙ

Лебедева Елена Георгиевна

Моя мама закончила медицинское училище в Ленинграде и приехала с семьёй в 1936 году из Ленинграда в Боровичи, куда моего отца после окончания Горного института направили на работу в геологоразведочное управление комбината Красный Керамик. Он получил большую комнату в Доме ИТР. Старший сын мамы, Вова, поступил в Горно-керамический техникум, а я, сестра Маша и двоюродный брат Алёша учились в школе.

22 июня 1941 года объявили о войне. Через час мама была уже в военкомате. Растерянности не было. Вскоре отец ушёл на фронт. Был сапёром в районе Пулковских высот, получил ранение, ходил на костылях и до конца жизни носил в ноге осколки. Мама получила назначение в госпиталь №2019, где стала сначала оборудовать помещение, а затем и работать медицинской сестрой в отделении челюстно-лицевой хирургии. Из Ленинграда приехала её родная сестра с детьми — мы её звали Кока и все стали жить вместе. Окна комнаты выходили на Ленинградскую улицу. По ней с вокзала целыми толпами шли дети, эвакуированные из Ленинграда. Немцы приближались, детей стали забирать родители и этот поток двинулся обратно к вокзалу. Кока потеряла сон, по ночам сидела у окна, курила, видела какое-то движение — то ли немцы, то ли наши. Видела как бомбили аэродром. Ровный круг немецких самолётов сбрасывал бомбы, из середины шёл чёрный дым.

Однажды со стороны вокзала по Ленинградской улице шла рота солдат и офицеров, вышедших из окружения 2-й ударной армии из Мясного Бора. Подавленные, скорее скелеты, чем люди. Смотреть на них было страшно. Что было у них внутри — можно было видеть по их лицам.

Во дворе дома было бомбоубежище. Когда звучала тревога, Кока выводила нас из квартиры. По ночам не хотелось выходить на улицу и маленькие дети прятались в ванну и туалет. Как-то Вова с Алёшей помогли задержать подозрительного человека средних лет. Тот спрашивал, где что находится. Ребята сообщили военным, оказалось, что это был немецкий шпион. Дети собирали бутылки для зажигательной смеси Молотова, сдавали в приёмный пункт. Бутылки отправлялись для заправки специальной жидкостью и использовались на фронте как гранаты. Вначале войны население уже знало, когда наступали немцы по таким приметам: если немцы приближались, то на рынке куры из ближайших деревень дешевели, если было затишье, куры дорожали. Начинался голод. Старший Вова ходил за хлебом. Хлеб привозили с перебоями. В очередях стояли подростки и старухи.

В госпиталь 2019 мама уходила в шесть утра, возвращалась в двенадцать ночи. Как-то я проснулась ночью оттого, что мама очень плакала и всё повторяла: «Ахметка, Ахметка...» В отделение привезли раненого. На лице остались одни глаза и рваная рана, была вырвана челюсть. Кормили с пипетки. Мальчик умер. Ему было 18 лет. И таких случаев было много. Заведовал челюстно-лицевым отделением хирург Сохадзе, его ассистентками были врачи — девушки-землячки из Грузии Маро и Като. Однажды я пришла в госпиталь к маме

с воспалением надкостницы. Мне было 12 лет. Сохадзе оказывал помощь, а рядом стонал солдат. Сохадзе сказал ему: «Видишь, ребёнок терпит. Всё будет в порядке». Он был очень добрым человеком. Дом ИТР был передан под госпиталь для офицеров и нам пришлось переехать в частный дом на Некрасовской улице. К тому времени Кока с детьми уехала. Хозяйка дала маленькую комнату, в которой была печка, три кровати и стул. Сажали картошку, выросла почти с горох, варили с кожурой. Мама получала пятьсот рублей, а литр молока стоил восемьдесят рублей. Никакой еды из госпиталя приносить не разрешалось. Вскоре дали общежитие-комнатушку: одна кровать на двух человек. Много было бойцов с ужасными ранами, несовместимыми с жизнью. Умирало очень много. Поначалу мёртвых хоронили голыми, вывозили в сколоченных ящиках. Потом был приказ хоронить в нижнем белье. Общежитие было напротив госпиталя, который размещался в педучилище. Железные ворота госпиталя почти не закрывались, скрипели, днём и ночью привозили раненых, увозили умерших.

В 1942 году Вову взяли на фронт. Ему только что исполнилось 18 лет. Вскоре его убили. Потом была Германия, город Мариенвердер и в конце 1945 года мама вернулась домой. На войне погибли два маминых брата. Оба пошли на фронт добровольцами. Один - белобилетник погиб через две недели, другой умер не приходя в себя от ран под Ломоносовым. Маше было 15 лет. Она помогала в инфекционном госпитале, носила документы как почтальон, потом научилась делать уколы раненым. Сейчас она с родственниками живёт в США. Уже после войны в Ленинград приезжали Сохадзе, Маро и Като, встречались с мамой. Была осень, шёл мелкий дождь. Девушки любовались красотой и говорили: «Зачем такой красивый город Пётр построил на таком плохом месте?» А мы смеялись над их восторгом, потому что город таким красивым стал много позже, чем при Петре.

Анна Сергеевна Лебедева.